

Надійшла до редакції 17.02.2012 р.

УДК 130.2:316.7

КРИТИКА Н. А. БЕРДЯЕВЫМ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Р. А. Додонов

Донецкий национальный технический университет

В статье анализируются основные направления критики Н. А. Бердяевым евразийской концепции философии истории, представленные им в статьях «Евразийство» и «Утопический этатизм евразийцев». Указываются основные противоречия евразийского учения. Оцениваются перспективы неоевразийской идеологии в современной Украине.

Ключевые слова: евразийство, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. А. Бердяев, империя, тоталитаризм.

Исторический период, который сегодня переживает украинское общество, характеризуется большинством социальных философов как транзитный. Вряд ли кто-то из них будет оспаривать тезис, что мы вновь живем в «эпоху перемен». Но вот в оценке стартовой и финальной точек этого исторического транзита единой позиции среди авторов не наблюдается. Чем был для Украины Союз ССР – «тюрьмой народов» или уютной колыбелью, в которой под опекой сильного старшего брата были воссоединены все растащенные по соседним империям национальные земли? Что есть для Украины независимость – шанс сказать собственное слово в мировой истории или способ цивилизационного бегства из «русского мира» в лоно Европы? Куда движется Украина – от индустриального общества к информационному или же к феодальной структуре управления страной? Поиск ответов на эти и многие другие вопросы заставляют нас обратиться к богатому опыту философии истории.

Нынешний спор проевропейской и пророссийской партий в украинском интеллектуальном сообществе может быть рассмотрен как видоизмененное продолжение старой дискуссии между западниками и славянофилами. Между тем, в 20-е годы прошлого века в среде российской эмиграции сформировалось течение, равно альтернативное как западничеству, так и славянофильству. Речь идет о евразийстве, новейшие версии которого претендуют на статус постсоветской идеологии [См.: 1].

Евразийство в концентрированной форме выразило противоречивое единство цивилизаций Востока и Запада. В основе классических воззрений евразийцев на мировую историю лежала преимущественно географическая рефлексия, что делает справедливой оценку данного учения как «геософии». Основатели евразийской концепции – Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский и др. – справедливо указывали, что та цивилизация, которую мы обычно именуем Европейской или Западной, отнюдь не конгруэнтна границам европейского континента. Точно также и Восток, представленный буддистско-конфуцианской, индуистской, исламской цивилизациями, не объемлет собой всей Азии. Географически между Западом и Востоком находятся бескрайние пространства России, которая не есть ни Запад, ни Восток, ни Европа, ни Азия. Это – особая цивилизация, органически соединившая в себе культурные элементы обеих составляющих. Это одновременно и Европа, и Азия: отсюда и название учения – евразийство.

Сегодняшняя геополитическая ситуация во многом созвучна периоду 1920-х годов. Распад империи (Союза); центробежные силы, институционализировавшиеся в

национальные государства; их поддержка западными демократиями, и, вместе с тем, возрождение имперских амбиций Москвы – вот лишь некоторые аспекты, которые делают востребованными не только классическое евразийство или его современные интерпретации, но и те критические аргументы, которые высказывались в адрес евразийцев философами истории.

Критический анализ концепции евразийства начался едва ли не ранее, чем ее варианты успели распространиться по миру. Н. А. Бердяев, П. В. Флоровский, П. М. Бицилли в своих рецензиях и статьях высказали немало ценных замечаний, не утративших своей актуальности и поныне.

Поэтому *целью* данной статьи является анализ критики Н. А. Бердяевым евразийской концепции.

Широко известно, что Н. А. Бердяев был одним из пассажиров «философского парохода», покинувшего в конце 1922 года пределы большевистской России. Однако мало кто знает, что за рубежом Николай Александрович оказался поначалу в ситуации духовной изоляции. Подобно Франку и другим «новым эмигрантам» он был вынужден противостоять уже сложившемуся крылу «правого политического антикоммунистического идейного активизма во главе со Струве». Поставленный перед необходимостью практически с нуля налаживать научные связи, Н. А. Бердяев с интересом отнесся к евразийству, которое в 1923 году развивалось еще в рамках «веховской» идейной традиции.

Благодаря публикациям Модеста Колерова [4] стали известны планы совместных работ Н. А. Бердяева и П. Н. Савицкого, которые, впрочем, не были реализованы. «Удивительно высокая степень компромиссности Бердяева к евразийству – не столько даже к идейно определенному направлению, сколько к бытовой и публицистической его самопрезентации (поверхностно-показному православию и «культурному антисемитизму») – говорила о крайнем значении этого проекта для идейного самоопределения Бердяева и его союзников. Теперь историк сможет с полным основанием сказать, что, в поисках аудитории и опоры, не только Карсавин, но и Бердяев в первый год изгнания вполне готов был к солидарности с евразийством, отвергая в нем лишь «сектантство»» [5, с. 309].

Лишь обрета искомую «опору», Н. А. Бердяев сформулировал свое критическое отношение к евразийству в двух статьях. Это, во-первых, статья «Евразийцы» [2], опубликованная в 1925 году в четвертой книге «Евразийского вестника», и во-вторых, «Утопический этатизм евразийцев» [3], напечатанная в 1927 году в восьмом номере религиозно-философского журнала «Путь», основанного философом двумя годами ранее в Париже.

«Евразийцы выступили шумно и самоуверенно» – пишет в первой из названных статей Н. А. Бердяев, отмечая одновременно, что в их философии истории мало оригинальности. Принципиально новой можно считать лишь туранско-татарскую концепцию русской истории Н. С. Трубецкого. В остальном же евразийство является «воспроизведением мыслей старых славянофилов, Н. Данилевского (Н. Данилевского в особенности), некоторых мыслителей начала XX века (так типичным евразийцем по настроению был В. Ф. Эрн)» [2, с. 291]. По мнению Бердяева, евразийство было ценно не столько новыми теоретическими разработками, сколько эмоциональной оценкой происходящей в пореволюционной России событий. В отличие от большинства эмигрантов, отражающих подавленные настроения побежденных, евразийцы демонстрируют «молодой задор», им присуща «пореволюционная бодрость».

Ничто дореволюционное невозможно уже, возможно лишь пореволюционное. Реализм евразийцев заключается в том, что они пытаются быть таким пореволюционным направлением. «Они улавливают какое-то широко распространенное настроение русской молодежи, пережившей войну и революцию, идеологически

облагораживают «правые» инстинкты. Их идеология соответствует душевному укладу нового поколения, в котором стихийное национальное и религиозное чувство не связано со сложной культурой, с проблематикой духа» [2, с. 291]. Впрочем, буквально в следующих строках Николай Александрович сам себе противоречит, отмечая в качестве положительной стороны учения то, что «евразийцы решительно провозглашают примат культуры над политикой» [2, с. 292]. Сам Бердяев усматривал в этом первейшее средство борьбы с тем культурным кризисом, в который погрузилось человечество (см. [6]).

Специалисты по всемирной истории фиксируют, как минимум, три основных очага евразийской государственности: империю Александра Македонского, стремившегося объединить эллинскую и персидскую культуры в единое целое, Византию и государство Российское. При этом отмечается, что оптимальной формой организации политической власти выступает империя. В случае же ее распада и образования на ее месте национальных государств, мы наблюдаем значительную инерцию в сфере духовной культуры, которая не сразу реагирует на изменение геополитической ситуации. Как возможные варианты такого ответа рассматриваются две противоположных тенденции: рост национализма или акцентуация универсалистских (космополитических, ойкуменистских, глобалистских) ценностей.

Н. А. Бердяев проводит параллель между современным ему межвоенным, пореволюционным периодом русской истории и эпохой эллинизма. Представляется целесообразным экстраполировать данную аналогию и на нынешний, постсоветский этап, поскольку многие положения, высказанные Бердяевым, справедливы и сегодня.

Для всех этих периодов – эллинизма, 20-х годов XX века и порубежья третьего тысячелетия – характерна всевозрастающая интенсивность международных контактов, взламывающих ограниченность национальных мирков и изоляционизм. Нации как продукт европейского Нового времени были призваны спаять в границах государств несколько этносов, превратить носителей этнических культур в граждан, повысить уровень их самоотождествления в иерархии идентичностей до этактического. На это были направлены национальные идеологии и новые национальные мифы, но с образованием государственного монолита они выполнили свою историческую миссию.

Империи имели дело не столько с этносами, сколько с готовыми нациями-государствами (если вообще корректно говорить о нациях вне европейского континента). Империя возникала тогда, когда метрополия подчиняла себе достаточно зрелые, сложившиеся культуры, а потому для легитимации своего господства метрополия вынуждена апеллировать к сверхнациональным, универсалистским ценностям.

«Ныне кончаются времена замкнутых национальных существований, – писал Н. А. Бердяев, – Все национальные организмы ввергнуты в мировой круговорот и в мировую ширь. Происходит взаимопроникновение культурных типов Востока и Запада. Прекращается автаркия Запада, как прекращается и автаркия Востока. Эллинистическая эпоха действительно была эпохой «евразийской» культуры, но в том смысле, что в ней соединились Восток и Запад, Азия и Европа. Такого рода «евразийство» есть универсализм, подготовивший почву для христианства» [2, с. 294]. И тезис «нести ни эллина, ни иудея» наглядно демонстрирует следующий шаг в иерархии идентичностей, когда все люди равны перед Богом.

Именно в этом направлении «работала» и русская идея. В глобальных масштабах должен образоваться единый духовный космос, в который, как отмечает Бердяев, русскому народу предстоит сделать свой большой вклад. «Задача, которая теперь стоит перед Россией, ничего общего не имеет с той задачей, которая стояла

перед допетровской, старой Россией. Это есть задача не замыкания, а выхода в мировую ширь» [2, с. 295].

По мнению Бердяева, грядущая историческая эпоха также будет основываться на универсалистских ценностях, противоположных национализму, идеология которого безвозвратно уходит в прошлое. Евразийцы в этом плане верно подметили всевозрастающее значение Востока. Мировая культура уже не может быть исключительно европейской, и народы Азии уверенно вливаются в поток мировой истории.

Но, критикуя цивилизацию Запада за ее приземленность и бездуховность (старый, традиционный мотив славянофильствующей мысли, – замечает Бердяев), евразийцы явно перегибают палку в своем отрицании достижений европейской культуры и в абсолютизации культурного значения Азии. «Евразийцы хотят остаться националистами, замыкающимися от Европы и враждебными Европе. Этим они отрицают вселенское значение православия и мировое призвание России как великого мира Востока-Запада, соединяющего в себе два потока всемирной истории. Их евразийская культура будет одной из замкнутых восточных, азиатских культур. Они хотят, чтобы мир остался разорванным, Азия и Европа разобщенными, т.е. они в сущности антиевразийцы» [2, с. 294–295].

Евразийцы не видят масштабности стоящей перед ними миссии, сводя все к фиксации своеобразия национальных культур, оставаясь по сути партикуляристами. Делая ставку на национализм, они порывают с лучшими традициями русской религиозно-национальной мысли, выступая противниками всечеловечности и всемирности. «Данилевский им ближе, чем Достоевский...», – продолжает философ, – Евразийцы восстанавливают историософическую теорию Данилевского и усваивают себе его натурализм и номинализм. Историософические взгляды Данилевского и евразийцев есть наивная и философски неоправданная форма номинализма, номиналистического отрицания реальности человечества. Евразийцы реалисты в понимании национальности и номиналисты в понимании человечества» [2, с. 295].

Примечательно, что логические построения в отношении номинализма/реализма человечества сочетаются у Н. А. Бердяева с сугубо теологической аргументацией. «...Номиналистическое разложение реальных единств, – пишет он, – нельзя произвольно остановить там, где хочешь. Номинализм не может признать и реальности национальности, как не может признать и реальности человеческой индивидуальности – разложение реальных единств идет до бесконечности. Если человечество или космос не есть реальность, то столь же не реальны и все остальные ступени. Евразийцы как будто бы хотят вернуться к языческому партикуляризму, духовно преодоленному христианством. Если не существует человечества как духовного единства и реальности, то христианство невозможно и лишено всякого смысла боговоплощения и искупления. Отрицание реальности и единства человечества как иерархической ступени бытия есть в сущности отрицание догмата богочеловечества Христа. Крайние формы церковного национализма и партикуляризма есть языческая реакция внутри христианства, есть неспособность вместить истину о богочеловечестве Христа. Разделяет плоть и кровь, дух же соединяет. И одинаково ложно отрицать реальность и единство человечества, как и реальность и единство национальности. Мир есть иерархический организм, конкретное всеединство. Поэтому интернационализм есть такая же ересь, такая же абстракция, как и национализм» [2, с. 297]. Культура, по Бердяеву, никогда не может быть интернациональной, она всегда национальна и, одновременно, сверхнациональна по своим достижениям и универсальна по своим основам.

Именно такие универсальные основы человеческой культуры были заложены в период античности. «Мы принадлежим не только Востоку, но и Западу через наследие эллинизма. Мы – платоники. Западные люди по преимуществу аристоте-

левцы. На нас почил эллинский дух, универсальный эллинский гений. Мы стали бы окончательно азиатами, восточными людьми, если бы отреклись от греческой патристики, от св. Климента Александрийского, от капподокийцев, если бы туранское начало в нас окончательно возобладало. И мне кажется, что евразийцы предпочитают плотское наследие туранское духовному наследию эллинскому, они более гордятся своей связью с Чингисханом, чем своей связью с Платоном и греческими учителями Церкви. Евразийская философия истории есть чистый натурализм. Национально-расовая и географическая историософия столь же материалистична, как и экономический материализм. Она отрицает, что философия истории есть философия духа, духовной жизни человечества. Она забывает, что, кроме Востока и Запада, кроме столкновения рас и кровей, есть еще царство духа, и что потому только возможно стало в мире христианство» [2, с. 298].

Критикуя далее абсолютизацию туранского элемента в русской культуре, Бердяев отмечает, что евразийцы Чингисхана явно предпочитают Св. Владимиру. Для них Московское царство есть крещеное татарское царство, московский царь – оправославленный татарский хан. И в этом государственном идеале чувствуется непреодоленное язычество азиатских племен. «Евразийцам вновь, – пишет Бердяев, – уместно поставить вопрос Вл. Соловьева: «Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?» «Восток Ксеркса» очень их пленяет, они не могут его победить в себе и не хотят его победить в русском народе. Между тем как и наш большевизм есть порождение «Востока Ксеркса». Все будущее русского народа зависит от того, удастся ли победить в нем нехристианский Восток, стихию татарскую, стереть с лица русского народа монгольские черты Ленина, которые были и в старой России. Можно вполне согласиться с тем, что татарское иго имело огромное, не только отрицательное, но и положительное значение в русской истории, что оно способствовало выработке в русском народе самостоятельного духовного типа, отличного от западного. Но это отнюдь не ведет еще к татарскому самосознанию, к подмене русской идеи идеей туранской. Между тем как у евразийцев исчезает своеобразие и единственность русского духовного типа, русской идеи, русской вселенской христианской идеи» [2, с. 300].

Второй момент, за который Бердяев критикует евразийскую концепцию истории, связан с видением путей ее социально-политического воплощения. Будучи религиозным мыслителем, он не приемлет евразийского идеократического проекта. Идеократия есть господство элиты, являющейся носителем государственной идеологии. Идеократический проект евразийства Бердяев сопоставляет с проектом идеального государства Платона. Правящий слой, который будет носителем истинной евразийской идеологии, и должен создать республику Платоновского типа, управляемую «философами». У Платона была вечная и истинная аристократическая идея господства лучших, но Платоновская утопия совершенного государства, очень живучая в истории, означает подавление личности и свободы. Совершенное государство Платона есть абсолютная тирания. По сравнению с ней политика Аристотеля в «несовершенном государстве» представляется обителью свободы.

Возможно, соглашался Бердяев, государство и может быть сильным, но оно должно знать свои границы. Евразийцы правы, когда видят у власти элиту, но утопический этатизм евразийцев приводит их к той ложной и опасной идее, что идеократическое государство должно взять на себя организацию всей жизни, т.е. организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душ человеческих, что, по мнению Бердяева, является задачей Церкви. «Такова ведь и задача коммунистического государства, которое понимает себя как Церковь и заменяет Церковь. Коммунизм тоже есть идеократия, господство подобранного правящего

слоя, претендующего быть носителем истинной коммунистической идеологии, идеи пролетариата».

Парадоксально, но в своем этатизме и стремлении упорядочить общественную жизнь на рациональных основах евразийцы предлагают путь европеизации и американизации России, на котором «происходит существенное перерождение русской души и отступничество от русских чаяний». Это Западу свойственны государственность, национализм, любовь к власти, инстинкт организации и конструкции, рационализм и формализм, боязнь мистики, особенно мистики апокалиптической. Вопреки собственным декларациям и симпатиям к Востоку, в своем идеократическом проекте евразийцы предстают как государственники, они «имеют волю и вкус к власти, они сторонники организации, конструктивисты, в них очень силен элемент рационалистический, они очень отталкиваются от мистики, и им совершенно чужда эсхатологическая настроенность». В этом парадокс евразийства: отталкивание от Европы и обращение к Азии ничуть не мешают европеизации.

Бердяев опрометчиво полагал, что государственная машина отжила свой срок. «...Я склонен думать, – писал он, – что мы вступаем в эпоху ослабления государств в тех их формах, которые сложились в новой истории, и усиления самоорганизации общества и общественных союзов. Диктатура и цезаризм являются симптомами этого разложения старого государства» [2, с. 306]. История не подтвердила этих прогнозов. И вслед за итальянским фашизмом в последующие годы тоталитарные режимы установились во многих странах Европы, кульминацией чего стал германский Третий Рейх. Роль государства в этих странах отнюдь не ослабла, а многократно усилилась. Даже сегодня, в начале XXI века, в условиях развитых институтов гражданского общества, в условиях многократного усиления глобализационных процессов, было бы преждевременно списывать государство «на свалку истории».

Тем не менее, ожидание Бердяевым «эпохи ослабления государства» не помешало ему вскрыть тоталитаристские тенденции евразийского проекта идеократии. Он не использует слово «тоталитаризм», но по сути предостерегает от опасностей грядущего тоталитаризма, указывая, что государство, стремясь захватить полный контроль над всеми сферами жизни, не оставляет места для свободного общества и свободной личности. «Государство не есть воплощение на земле абсолютного духа, как думал Гегель, как думали римляне. Государство имеет свою миссию на земле, и христианство освящает начало власти. Но государство всегда не адекватно, всегда греховно и в нем всегда возможно торжество царства зверя. Это царство зверя, Левиафан, обнаруживается и в государствах монархических и в государствах демократических и социалистических. Диктатура партии или правящего слоя, который будет носителем истинной идеологии, скопирована евразийцами у коммунистов. Но диктатура партии много хуже диктатуры одного лица. Диктатура Муссолини менее тягостна, чем диктатура неисчислимого количества фашистских мальчишек. Диктатура Ленина все-таки лучше, чем диктатура центрального комитета коммунистической партии. И это определяется тем, что в монархическом начале есть своя непреходящая правда, хотя и относительная. Диктатура по существу своему может быть лишь переходным состоянием, а не идеалом политического устройства. В этом отношении евразийская идеология не чиста и слишком насыщена аффектами и эмоциями нашей эпохи. Есть большие основания думать, что мы идем от диктатуры к диктатуре» [3, с. 308].

Подводя итоги сказанному, отметим, что Н. А. Бердяев, в целом, верно подметил наиболее уязвимые места евразийской концепции. Во-первых, противоречие между националистическими и универсалистскими ценностями решается евразийцами в пользу первых, несмотря на то, что сама идея единства Запада и Востока предполагает некое общее духовное основание. Евразийцы, резюмирует Бердяев,

более являются выразителями империалистической идеи в ее татарско-чингисханской или немецко-петровской версиях, чем русских духовных упований. Неоевразийцы также ратуют за воссоздание империи на территории постсоветских стран.

Во-вторых, идеократический проект евразийства мало чем отличался от стихийно развертывающихся тоталитаристских тенденций, которые имели место в Европе в 20-е годы прошлого века. «Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом» [2, с. 291], – делает вывод Н. А. Бердяев. Критика философом социально-политической доктрины евразийства есть критика тоталитаризма как такового. И коль скоро Украина встала на путь демократизации, приоритета права, создания сильного гражданского общества, политические заигрывания с неоевразийством представляются несовместимыми с выбранной стратегией исторического развития.

РЕЗЮМЕ

У статті аналізуються основні напрямки критики М.О.Бердяєвим євразійської концепції філософії історії, подані ним у статтях "Євразійство" і „Утопічний етатизм євразійства". Вказуються основні суперечності євразійського вчення. Оцінюються перспективи неоевразійської ідеології в сучасній Україні.

Ключові слова: євразійство, М. С. Трубецький, П. М. Савицький, П. П. Сувчинський, М. О. Бердяєв, імперія, тоталітаризм.

SUMMARY

In the article are analyzed basic directions the critics N.A.Berdyayev of Eurasian conception of philosophy of history, presented by him in the articles "Evraziystvo" and "Utopian etatism of Eurasians". Basic contradictions of Eurasian conception are indicated. The prospects of newevrazian ideology in modern Ukraine are estimated.

Key words: Eurasian conception, N. S. Trubetskiy, P. N. Savitskiy, P. P. Suvchinskiy, N. A. Berdyayev, empire, totalitarianism.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. См.: Дугин А. Г. Проект «Евразия» / А. Г. Дугин. – М.: Яуза, 2004. – 510 с.; Умланд А. Постсоветские правоэкстремистские контрэлиты и их влияние в современной России : на примере восхождения Александра Дугина / А. Умланд // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2008. – № 1. – С. 80–93; Івахів О. С. Концепція євразійства у зовнішній політиці України. Автореферат дисертації... канд. політ. н. 23.00.04 – політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку. – Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка, 2011. – 20 с.
2. Бердяев Н. А. Евразийцы / Н. А. Бердяев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 292–304.
3. Бердяев Н. А. Утопический элитизм евразийцев / Н. А. Бердяев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 305–309.
4. Колеров М. А. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) / М. А. Колеров // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 143–166.
5. Колеров М. А. Несостоявшийся союз (письмо Н. А. Бердяева к П. Н. Савицкому, 1923) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 год. – М., 2000. – С. 308–311.
6. Бердяев Н. А. Новое средневековье / Н. А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 160 с.